

AD MEMORIAM

Научная статья
УДК 903.12
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.4.013

БЛАГОДАТНЫЙ И РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ ТАНДЕМ (СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Е. Я. ПАЦИИ И Б. И. КОШЕЧКИНА)

Владимир Яковлевич Шумкин

*Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург,
Россия, shumkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>*

Аннотация

Статья посвящена Борису Ивановичу Кошечкину и Евгении Яковлевне Пации, с которыми автор встречался, работал и дружил более 30 лет, и основана исключительно на личных воспоминаниях о встречах, совместной работе, экспедициях. Подчеркнута роль Б. И. Кошечкина и Е. Я. Пации в становлении гуманитарных исследований в Кольском научном центре РАН. Основная цель — почтить память этих замечательных, уже ушедших от нас людей и напомнить ныне живущим о тех делах, которые они совершили.

Ключевые слова:

Геологический институт Кольского филиала АН СССР, геоморфология, археология, музееведение, краеведение, Северный филиал Географического общества СССР, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера

Благодарности:

исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» № FMZF-2022-0012.

Для цитирования:

Шумкин В. Я. Благодатный и результативный тандем (светлой памяти Е. Я. Пации и Б. И. Кошечкина) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 135–147. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.4.013.

AD MEMORIAM

Original article

GRATEFUL AND PRODUCTIVE TANDEM (IN BLESSED MEMORY OF E. YA. PATSIA AND B. I. KOSHECHKIN)

Vladimir Y. Shumkin

*Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg,
shumkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>*

Abstract

The article is dedicated to Boris Ivanovich Koshechkin and Evgenia Yakovlevna Patsia, with whom the author has met, worked and befriended for over 30 years and is founded exclusively on personal memories of joint events, without any embellishment and fiction, in order to honor the memory of these wonderful people who have already left us and remind the living of the deeds they have done. The role of B. I. Koshechkin and E. Ya. Patsia in the development of humanitarian research at the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences is underlined.

Keywords:

Geological Institute of the Kola Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union, geomorphology, archeology, museology, local history, Northern branch of the Geographical Society of the USSR, Museum-Archive of the history of the study and development of the European North

Acknowledgments:

the federal budget as part of the state project No. FMZF-2022-0012, FMZF-2022-0017.

For citation:

Shumkin V. Ya. Grateful and productive tandem (in blessed memory of E. Ya. Patsia and B. I. Koshechkin) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2023. Vol. 2, no. 4. P. 135–147. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.4.013.

«Настоящее есть проявление прошлого,
как бы далеко оно от нас ни отстояло»
Владимир Иванович Вернадский (1863–1945)

Введение

Археология — наука, по сути, историческая, но отличается от других гуманитарных и особенно естественно-научных областей знания не только своими методами и объектом исследования, но и тем, что если ученым этих дисциплин приходится годами, десятилетиями работать, чтобы сделать открытие, и то это далеко не всем удается, то редкий год у каждого археолога-полевика проходит без открытий. У нас даже есть свое постоянное периодическое издание, которое так и называется: «Археологические открытия». В него ежегодно все археологи России отправляют короткую (обычно 3 страницы) информацию о своих открытиях новых древних стоянок, поселений, городищ, курганов и т. д. Конечно, осознаем, что действительно крупное открытие в жизни археолога явление не такое уж частое, но все равно оно более встречается в нашей науке, чем в других. Отличие и в том, что в процессе работы, особенно в поле, приходится встречаться с людьми совершенно разных профессий. В этом мы похожи на геологов и представителей других наук, связанных с экспедициями, которым тоже часто выпадает такое счастье. Некоторые из этих знакомств потом переходят в стадию долгих дружеских отношений, но есть и такие встречи, которые становятся для тебя «открытиями» особых людей. За полвека работы на Кольской земле их накопилось немало, но особенно памятной для себя считаю встречу-открытие, а потом и многолетнюю дружбу с замечательными апатитчанами Борисом Ивановичем Кошечкиным и Евгенией Яковлевной Пацией.

Постараюсь в этом очерке соблюсти хронологическую последовательность, чтобы понятна была цепь и взаимосвязанность событий.

Первое знакомство

В далеком 1969 году я в качестве лаборанта Кольской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) прибыл в Апатиты. К этому году у меня, студента 3-го курса кафедры археологии Ленинградского государственного университета, уже были в активе две нижнедонские археологические экспедиции (начальник — Т. Д. Белановская) и одна верхневолжская (начальник — Н. Н. Гурина), но на севере, а тем более в Заполярье, я оказался впервые. И здесь я встретился с Борисом Ивановичем. Точнее, Нина Николаевна Гурина, уже проверив и зная мои археологические навыки, просто отдала меня в полевое обучение премудростям геоморфологии к уже известному в этой области опытному кольскому специалисту, с которым она была знакома по совместной работе с 1965 года на п-ове Рыбачий. Надо сказать, что Нина Николаевна никого ничему не учила, чем в корне отличалась от нашего университетского учителя Татьяны Дмитриевны Белановской, которая всю душу вкладывала в своих учеников. Она не только обучала их тонкостям профессии, делилась своими обширными знаниями, но и помогала им в трудоустройстве, интересовалась дальнейшей личной судьбой и радовалась научным успехам. Нина Николаевна, наоборот, по характеру была человеком замкнутым, не очень разговорчивым, более прагматичным, заинтересованным главным образом в том, чтобы сотрудник под ее началом приносил больше пользы. Да и сама она была вся погружена в науку и в желание как можно больше охватить полевыми исследованиями территорий и, найдя там максимальное количество новых памятников, быстро их описать и изучить (нередко делая это в спешке и поверхностно). Мы никогда от нее не слышали ни рассказов об известных людях, с которыми ей доводилось встречаться, ни о знаковых событиях, случившихся за время ее работ в Сибири, Белоруссии, Карелии. А их было немало. Более того, эти две такие разные ученые дамы-археологи были, правда, в разные годы, ученицами знаменитого «вдохновенного строителя марксистской археологии» (по Л. С. Клейну) Владислава Иосифовича Равдоникаса (1894–1976), который сам являлся, как ни странно, учеником великого подвижника русской археологии Александра Андреевича Спицына (1858–1931).

Борис Иванович по складу характера был ближе к Татьяне Дмитриевне. Он старался научить всему, что сам знает, не чураясь, при этом получать и впитывать специфические знания от обучаемого. Так, он живо интересовался процессом изготовления орудий в каменном веке, как отличать артефакты

от природных обломков камней. Потом стал замечать, что его интересуют и этнографические древности, нередко встречаемые в старых поселках и на заброшенных рыбацких тонях. Подобную информацию о них он аккуратно записывал в свой полевой дневник. Много позже я догадался, что уже тогда у него зрела идея создать особый музей старины при Кольском филиале АН СССР. Несмотря на серьезную разницу в возрасте, опыте и статусе, это коснулось и меня. На этой благодатной почве мы прекрасно понимали друг друга, со временем подружились и уже навсегда.

В быту Борис Иванович был прост. Я запомнил его по полевой работе всегда сухощавым, подтянутым человеком, однообразно, скромно, но толково, по экспедиционному одетым, с вечной брезентовой сумкой на плече, уверенно, но не размашисто шагающим в своих «кирзачах» с одинаковой скоростью и по тропе, и по бездорожью. Мы потом не раз предлагали ему приобрести, даже в подарок, более «престижную» кожаную офицерскую сумку/планшет и хромовые или болотные сапоги, но он лишь благодарил и всегда отказывался, говоря, что привык к этим вещам и с ними ему комфортно. Видя, что я мало, что смыслю в геоморфологии, а в ту пору и в тундровом житье-бытье, он ненавязчиво объяснял то, что считал, и оправданно, может мне пригодиться в дальнейшем. Так, помимо основательных теоретических сведений по геоморфологии, от него лично я познал, как и для чего закладываются длинные траншейные шурфы, как, имея лишь несколько сухих щепочек, тонких ветвей карликовой тундровой березки и мха-ягеля развести костер и быстро вскипятить чайник (рис. 1), как правильно выбрать место для лагеря, чтобы было удобно, был ветерок — главная защита от всякого тундрового гнуса, но не сдувало и нас во время непогоды, а также многое другое.



Рис. 1. Практический мастер-класс учителя. 1969 год. Из личного архива автора

Он, несомненно, был харизматичной личностью, нередко авторитарной, но начальник экспедиции, как и командир корабля, в принципе, не может быть иным. Однако перед тем, как принять свое «командирское» решение, всегда излагал сотрудникам задачу и способ ее выполнения, советовался с ними, выслушивал их аргументированные доводы и лишь потом делал свое заключение, которое иногда имело некоторые поправки. Быстро понимая, что каждый из членов экспедиции делает более успешно, как рачительный начальник поручал нам ту или иную работу, никогда не принуждая к непосильной

или опасной деятельности, старался свести к минимуму риски, а лучше их вообще не допускать. Навсегда запомнил его фразу: *«Подгоревшая на костре каша в экспедиции — это не элемент романтики, а неправильно поставленная задача и порученное дело»*.

Приведу для примера один случай, который запомнился многим и уже приводился в книгах Б. И. Кошечкина «Дым Сариоль» [1: 185–187] и Н. Н. Гуриной «Время, врезанное в камень» [2: 16–17]. Но в первой он изложен очень лапидарно, а во второй очень неточно, даже искаженно по содержанию. Постараюсь исправить и добавить некоторые детали происшедшего события максимально точно и объективно, поскольку был самым непосредственным его участником.

Летом следующего года (1970) мы работали с группой геоморфологов Кольского филиала АН СССР (Б. И. Кошечкин, Владимир Яковлевич Евзеров, Люда Кудлаева, коллектор Лёва Годовиков и еще несколько сотрудников). От ЛОИА АН СССР были Нина Николаевна Гурина, Лия Яковлевна Крижевская и Владимир Шумкин. (У Кошечкина я назван коллектором Володи, чему я ни тогда, ни ныне не только не противился, а даже горжусь, считая это за признание Борисом Ивановичем меня «своим», хотя по ведомостям числился лаборантом ЛОИА и уже был принят на работу в штат этого прославленного учреждения, несмотря на то, что еще студент). Часть группы (Крижевская, Кудлаева, Годовиков, я и еще пара коллекторов) с продуктами и снаряжением были доставлены первым рейсом вертолета на берег Кривого ручья на восточном берегу Кольского по-ова.

Прилетев вторым рейсом вместе с Гуриной и Евзеровым, Борис Иванович сразу понял, что место для лагеря выбрано крайне неудачно, — нет даже крошечных березок, чтобы сделать хотя бы колышки для наших тогдашних очень несовершенных палаток, не говоря уже о топливе для костра (никаких примусов тогда не имели), а лето было запоздалое, кругом еще лежал снег (рис. 2).



Рис. 2. Наш лагерь на Кривом ручье. Июль 1970 год. Из личного архива автора

Тогда группа начальников (Кошечкин, Евзеров и Гурина) сразу же полетели в район Лумбовского залива (по заданию этот рейс первоначально планировался на обратном пути). Осмотрев берега залива и найдя скелет кита, прихватили с собой на борт несколько позвонков кита (в лагере из них получилось потом отличные сидения, я на них не раз сидел за обедом), а Нина Николаевна успела собрать небольшую коллекцию подъемного археологического материала предположительно мезолитического облика (8–5 тысяч лет до н. э.). Кроме того, командир вертолета Юра, понимая, что в лагере совсем нет дерева, подцепил на тросы почти целую избушку. Мы обалдели, когда увидели

приближающийся наш вертолет, у которого ниже «брюха» болталась на тросах изба. Отцепили ее рядом с лагерем, и она с грохотом рухнула. Теперь, к нашей радости, были в избытке и дрова, и строительный материал для оборудования лагеря. Потом и люди приземлились. Вертолет улетел и обещал забрать нас через несколько дней.

Геологам работа была, они делали свои длинные геоморфологические разрезы, в чем и я помогал им. А наши ученые дамы мучились от безделья, так как делать здесь нам по археологии было нечего. Первый день еще занимались той горстью находок (с Лумбовки), а потом кипучая энергия Н. Н. прорвалась, и она решила совершить поход до р. Большая Качковка. Как ни уговаривал ее Борис Иванович, что и карт надежных нет, и туда 30 км, и что людей опытных дать не может (с разрезами и так не успеваем), и что избушки в конце нашего предполагаемого маршрута, вероятно, давно уже нет... Не помогло. Сказала: *«Справимся сами за два дня»*.

Утром Гурина (61 год), Крижевская (55 лет) и я (23 года) взяли с собой мою саперную лопатку, сухари, банку сгущенки, банку тушенки, пачку гречки, кусочков 20 сахара, пачку чая и 2 коробка спичек, 3 брезентовых чехла от ватных спальников (все это я поместил в свой абалаковский рюкзак). Сами спальники из-за их веса (около 6 кг каждый) и объема, как и палатку, оставили в лагере. Была еще и запасная одежда, так что рюкзак получился основательный не столько по весу, как по объему.

Шли медленно, никаких ориентиров не было, по компасу. Погода была хорошая, даже с солнышком. Дважды останавливались на полчаса и с трудом, на костре, разожженном, следуя наказам Бориса Ивановича, на вырванных, стелющихся березках и сухом ягеле, я готовил чай. Но к позднему вечеру все же вышли к р. Большая Качковка. По ее левому берегу спустились ближе к морю и даже нашли по одинокому телеграфному столбу с оборванными проводами и ржавой железной кровати с панцирной сеткой место избушки. От нее самой не осталось даже обломков и мусора. Однако решили здесь заночевать.

Я настрогал с помощью саперной лопатки и ножа от столба лучинок (ни топора, ни тем более мифической, даже ржавой пилы, как указано Ниной Николаевной в ее книге на странице 17, и в помине не было) и приготовил кашу. Нина Николаевна сказала, что нужно хорошенько выспаться, так как завтра нелегкий обратный путь, и предложила Лии Яковлевне лечь на кровать. Та долго не соглашалась, считая, что «удобство» должно принадлежать начальнику. Лия Яковлевна человек была очень добрый, мягкий, в ЛОИА ее все любили, так как она помогала любому, особенно молодежи. Я до сих пор не представляю, как она в войну, будучи эвакуированной на Урал, могла работать там прокурором. На Кольском она была с Гуриной и ранее, еще в конце 1940-х годов. И в этот раз Нина Николаевна уговорила ее на нынешнюю экспедицию, затем на поход, а сейчас и на это железное «ложе». Впрочем, она никогда не перечила Гуриной, в конце концов, соглашаясь на все ее решения. Залезли в чехлы от спальников, легли на ягель, а Крижевская на кроватную сетку и постарались уснуть. Не знаю, как дамам, но мне это удалось. Проснулся от тихих стонов.

А утро было солнечное, небо абсолютно ясное. Гурина была уже на ногах и суежилась около кровати. Выяснилось, что Крижевской очень плохо, что-то с почками. Лекарств, кроме стрептоцида и анальгина, не было. Анальгин не помогал. Пока готовил чай, размышляли, что делать. Идти Лия Яковлевна, явно, не могла. С трудом переместили ее на землю, подстелив один наш чехол и покрыв сверху другим. Решили, что мне идти обратно одному за помощью в лагерь. Снабдили 2 кусками сахара и сухарем. Всю одежду, кроме брюк и свитера на голое тело, оставил им, как и рюкзак с остатками продуктов и свой нож, взяв с собой лишь саперку.

Шел очень быстро, ориентируясь уже по «солнышку». Я в то время мог налегке ходить со скоростью 6–8 км/ч. Был даже у меня рекорд в 1975 году на Верхней Волге, когда, провожая жену на поезд в Ленинград, опоздав на последний автобус Осташков — Зехново, который шел почти до лагеря, зная, что Нина Николаевна будет недовольна моим отсутствием, прошел спортивным шагом (не бежал) за 3 часа 27 км, правда, по хорошей проселочной дороге. Личный рекорд скорости. Здесь же одолел обратный путь по кочковатой тундре за 6 часов. Солнце в тот день палило нещадно, а я, еще не зная тогда его коварной «ультрафиолетости», снял свитер, завязал его на поясе и пошел дальше с обнаженным торсом. Помню, комаров не было, еще, видимо, не вылупились. К вечеру вдруг пошел туман, да такой, что чуть мимо лагеря не промахнул.

Когда пришел, подробно рассказал, что произошло. Накормили, увидев, что лицо мое красное, как у индейца, заставили снять свитер, и, узрев тот же цвет и на теле, намазали какой-то вонючей мазью, завернули в белый вкладыш от спальника и положили в палатке на мой уже бесчехольный ватный спальник. Сами пошли совещаться. Разбудили через несколько часов и сказали, что, перебрав все варианты, остановились на обратном походе с доставкой лекарств, продуктов, спальников и палатки. И идти предстоит мне, Годовикову и Евзерову. А Борис Иванович вызовет вертолет, который прилетит, как только распогодится. Другого варианта, увы, нет.

Быстро собрались и пошли. Добрались за 9 часов — груз приличный и погода скверная (туман, морянка). По приходе узнали, что Лие Яковлевне немного легче, но пройти такой путь пока не сможет. Геологи, отдохнув пару часов, пошли назад, я же остался с дамами ждать вертолета. И так, поскольку первый раз шли не по прямой, а отвлекаясь на разные ручьи и осматривая обнажения по их берегам, ничего при этом из нашего археологического так и не обнаружив (что и не удивительно, не те условия для обитания древнего, да и современного человека), за сутки прошагал 100 км. Тоже личный рекорд, уже по дальности.

Через пару дней мы несколько раз в тумане слышали шум вертолета, но не видели его. Понимая, что это нас ищут, собрал вокруг весь мокрый мох на дымный костер и поддерживал его несколько часов, осознавая, правда, что при такой погоде вряд ли нас увидят. Но командир Юра все же нашел наш лагерь (я еще Кошечкину сказал: ищите у единственного в тундре телеграфного столба, да и спутники мои по доставке продуктов смогли соориентировать вертолетчиков). Так нас, слава Богу, и эвакуировали воздушным путем.

А с командиром вертолета Юрой и его командой я потом целую неделю летал на его вертолете четвертым членом экипажа. Главной моей задачей было при приземлении смотреть, открыв дверку, (остальные были заняты своим делом), не тонут ли колеса нашей «стрекозы» в болотистой почве, и если это случится, то орать во весь голос «тонем». И такое тоже бывало. Тундра ведь очень разнообразна, подчас коварна, и сверху не всегда поймешь, прочная почва в месте приземления или верховое болото, а поскольку на Кольском нет мерзлоты, то можно и утонуть вместе с вертолетом. Отличный был экипаж. У меня сохранилось фото того года вместе с ними и Борисом Ивановичем, где я разливаю им ликер «шасси» (спирт с глицерином), что тоже входило тогда в мои обязанности как члена экипажа (рис. 3). А вот на Лумбовку я так и не попал, и до сих пор это место остается не обследованным в археологическом плане, хотя является очень перспективным.



Рис 3. Первая встреча после двухнедельного вертолетного путешествия. Слева направо: 2-й — Б. И. Кошечкин; 3-й, рядом с ним, справа — Лев Годовиков; 4-й — командир Юра; далее штурман и радист; перед ними 4-й член этого экипажа (разливающий) — Владимир Шумкин. Начало августа 1970 года. Из личного архива автора

Трудно было даже представить, что у такого мужественного, многое испытавшего человека, полярного исследователя, путешественника, как Кошечкин, была своя «ахиллесова пята», и называется она аквафобия. Я узнавал про нее постепенно, сначала только догадываясь, думая, что это случайность, но пришлось поверить в это, пронаблюдав трижды. Он это скрывал, но думаю, что и другие замечали, тоже становясь участниками подобных случаев, которые при нашей полевой работе были неизбежны.

Впервые при мне это произошло в Белом море в 1971 году. Борис Иванович, неведомо какими путями, договорился (он всегда умел это делать, находя общий язык с самыми разными людьми) с эстонскими богатыми туристами о «фрахтовке» их небольшой моторной яхты, курсирующей вдоль Кольского побережья в Белом море. Мы небольшим отрядом разместились на ней и высаживались на небольшой шлюпке на берег в нужных местах на несколько часов, а потом нас забирали на борт и продолжали движение. Но однажды, когда Кошечкин облюбовал важный для своей работы участок берега, выяснилось, что из-за мелководья шлюпка не может пройти оставшиеся 50 м даже на приливе и придется добираться без ее помощи. К тому же Борис Иванович, оценив фронт предстоящих работ, решил остановиться здесь на сутки. Следовательно, на берег нужно было переправить не только состав и инструменты, но и суточный запас продуктов, спальники, палатки.

Поняв правильно ситуацию, мужчины стали, кто имел, натягивать бродни, этим занялся, естественно, и я, а иные просто снимали брюки и обувь. Сделав первый рейс на берег с имуществом и подойдя к борту яхты за новой партией груза, заметил, что Борис Иванович, как-то странно, нерешительно поглядывая на берег, необычно неуклюже старается снять свой кирзовый сапог, явно намереваясь присоединиться к нам. И тут я, почувствовав его неуверенное состояние, выпалил: *«А давайте я Вас перенесу»* (мы всегда были на Вы, причем с обеих сторон). Услышав от него: *«А Вы сможете, я тяжелый»*, — весело ответил: *«Да не сомневайтесь, первым классом, садитесь верхом, на плечи»*. Повернувшись к борту спиной, принял его, усевшегося на плечи, почувствовав не только вес, но и его обе руки у себя на голове, поняв: для равновесия. В этот день меня «несло», я лихо, чтобы не идти без вещей, подхватив в обе руки еще и по спальнику за матерчатые ручки, отважно направился к берегу. Сначала все шло хорошо, и я уже торжествовал, но, когда до берега оставалось метров 10, а вода, взбаламученная нашим хождением, стала непрозрачной, моя левая нога угодила в промоину, да так, что я резко наклонился, но удержал равновесие, замочив лишь край одного из спальников. И тут случилось то, чего я не мог предвидеть. Ноги седока плотно сцепились у меня на шее, а обе руки заняты спальниками, бросить которые в воду — значит оставить пару человек без сухого ночлега, следовательно, разжать ноги начальника я никак не могу. Стремглав, задыхаясь, я из последних сил выбежал на сухое место, бросил спальники, повалился на бок и только потом разжал «ножные клещи». Посмотрев на Бориса Ивановича, увидел его совершенно белое лицо и глаза, полные боли и испуга. Через несколько минут он пришел в себя и стал извиняться, говоря, что страшно испугался, с ним случилась паническая атака. Его искренние извинения перемежались с просьбами никому про это не рассказывать. Правда, много позже, уже в 1990-х годах в Санкт-Петербурге он, также извиняясь, вспоминал с юмором этот случай и одновременно взял с меня обет молчания.

Повторно подобное случилось в 1973 году в Кузомени. Туда я впервые попал поздней осенью, уже получив диплом после окончания обучения на кафедре археологии ЛГУ, завершения работ, сначала на Верхней Волге, а потом и в моей первой самостоятельной экспедиции, во время которой посчастливилось открыть петроглифы Чальмн-Варрэ [3: 1–17; 4: 202–242; 5: 1–160] на р. Поной. Мы небольшой группой (Гурина, Кошечкин, Алла Кудлаева, Ира Верещагина, Годовиков Лев и я) на небольшом карбасе переправлялись через Варзугу, чтобы на левом ее берегу осмотреть место, где ранее были обнаружены археологические находки раннего Средневековья (11–12 век н. э.), вероятно, из разрушенного могильника. На веслах сидели Лева и я. Было полприлива. Мы так старались, что навалились на весла, не зная фарватера, с ходу врезались в коргу (подводная песчаная коса, нередко перемещающаяся, часто на срединной части русла реки). Попытки отгрести назад, как и продвинуться вперед, успехом не увенчались. Тогда мы с Левой, осторожно, держась за борт карбаса, спустились в воду, обнаружили, что корга плотная, держит наш вес, а уровень воды здесь, посередине реки, нам не достигает даже пояса. Пытались стащить лодку с этой коварной подводной косы, но поняли,

что киль карбаса прочно увяз в песке. Тогда предложили Борису Ивановичу присоединиться к нам и помочь сдвинуть посудину, да и лодка станет легче. Но получили уклончивый отказ, сославшись на то, что там глубоко. На наше утверждение, что вот мы же стоим на твердом песке, он, поглядев по сторонам, убедившись, что кругом водная гладь и течение, заявил, что мы его обманываем, а сами умудряемся так искусно плавать. Переубедить не удалось. На наше счастье неумолимый морской прилив через полчаса слегка приподнял и освободил судно из песчаного плена, после чего мы благополучно достигли берега и выполнили запланированную работу.

Третий эпизод, несколько другого свойства, случился в 1977 году. Н. Н. Гурина отправила нас со студенткой кафедры археологии ЛГУ для участия в экспедиции Кошечкина по материковой тундре. Отправились небольшим апатитским коллективом на серьезной машине Урал, движимой по очереди двумя водителями. Колесили по Кольской тундре в поисках особенностей рельефа, проясняющих проблемы процессов отступления в этой части последнего ледникового щита. Останавливались в самых разных, порой не очень удобных местах. Однажды заночевали на участке, отстоящем не так далеко от водоема, но к нему вела природного происхождения узкая (не более 1 м) полоска твердой земли среди сильно заболоченной местности. Лагерь мы поставили, естественно, на сухом месте, но умывание и набирание воды для разных нужд достигалось только по этой полоске.

Борис Иванович был знаменит своей галантностью с дамами (случай на Варзуге не в счет). И вот однажды туманным осенним утром он возвращался в лагерь после умывания, обернув шею полотенцем. А с другой стороны двигалась студентка Лилия, и они встретились на полпути. Борис Иванович решил галантно уступить молодой даме дорогу и, необдуманно сделав шаг в сторону, оказался по пояс в болотной жиже. Ситуация была не столь критическая, так как ниже была уже твердая почва, но довольно комическая, поэтому некоторые сотрудники, суетившиеся около костра в ожидании завтрака, вначале даже рассмеялись. Но как рассказывала потом Лилия, увидев как бы съезжившуюся фигуру начальника, над которым она даже при своем небольшом росте возвышалась, и, главное, его совершенно белое лицо, окоченела, а я, вспомнив про выгрузку с яхты, кинулся им на помощь. И мы с Лилией с трудом выдернули Бориса Ивановича, точнее, его застывшее тело, на сухую тропинку, понимая, что он находится в каком-то оцепенении или шоке.

Всю оставшуюся часть этой экспедиции меня не покидала так и не высказанная тогда мысль о том, насколько же наш начальник мужественный человек, что, имея такую коварную предрасположенность, не ушел в какую-нибудь другую сферу деятельности. Талантов у него для иной, более спокойной профессии было в избытке, но он остался верен экспедиционной жизни, преодолевая все ее тяготы, для него связанные еще и с особым преодолением, не известным многим другим.

Много позже, уже в конце 1980-х годов, получая приглашение посетить его, бывал в ленинградской квартире Бориса Ивановича. При встречах мы не раз вспоминали наши экспедиции, в том числе и эпизоды с аквафобией, причем об этом всегда начинал разговор именно он. Однажды, когда его супруга удалилась по своим делам, я, выбрав момент, задал тот самый вопрос, который мучал меня в экспедиции. Ответ был прост и мудр: «Володя, когда мне предстоял водный путь, я долго готовился ментально и старался представить себе, что при входе на палубу корабля, ступая на днище лодки, даже резиновой, подо мной родная земная твердь, и она меня не подведет. А насчет смены профессии, то не будь моих походов, путешествий, изысканий, я бы никогда не стал бы писать книги, а какие они — вам судить». Я ответил, что читал, конечно, не только его научные статьи, но и почти все художественные произведения. И они мне нравятся. Потом Борис Иванович добавил: «Дорог Вами пройдено уже немало, есть и открытия, пишите об этом, ведь многие люди вряд ли прочитают научные статьи, а такая литература им будет доступна, а, главное, они больше узнают и о наших профессиях, истории и о самой Кольской земле». Я пообещал попробовать и через пару недель принес ему на суд несколько своих опусов. Пару очерков таких, как «В тундре есть люди» и «Их родина — Арктика», я самонадеянно считал вполне законченными, остальные: «Где сходятся вода и скалы», «Избравшие свой путь», «Хранители ветра», «На кромке Ледовитого океана» — были только в набросках. Борис Иванович попросил все это оставить у себя и пообещал через неделю дать ответ. Его последовавший вердикт был таков: *«Настрой, чувство есть, много рассуждений и мало деталей, но это поправимо, дерзай...»*.

Потом он заболел. Навестил его в нашей Академической больнице на Тореза, где он лежал в одной палате с известным филологом академиком РАН Александром Михайловичем Панченко. И там Борис Иванович живо интересовался нашими делами, расстраивался, что не продолжаю литературных опытов, говоря, что готов быть редактором и даже подготовить очерки к публикации. Я же ему поведал свежие новости с Мурмана и отвечал, что совсем нет времени, так как для меня открылась возможность участвовать в зарубежных экспедициях, конференциях, читать там лекции, не забывая и об археологической работе (иногда даже со скандинавами) на Кольском п-ове.

А потом он умер в конце августа 1995 года. Я узнал про это печальное событие только поздней осенью, вернувшись из Норвегии, так что проводить его в последний путь не смог. И вот теперь, хоть и с опозданием, этим повествованием отдаю дань памяти замечательному человеку, крупному геоморфологу (в его научной библиографии около 150 статей), заведующему лабораторией в Геологическом институте, председателю Северного филиала Географического общества СССР, этнографу, краеведу, автору многочисленных (более 70) научно-популярных оригинальных произведений (он стал членом Ленинградской писательской организации), а главное — вдохновителю идеи создания и основателю «Музея-Архива истории освоения Европейского Севера России» при Кольском филиале АН СССР (сейчас Кольский научный центр РАН), который успешно работает, принимая многочисленных посетителей и поныне. К сожалению, Борис Иванович не нашел нужным сам написать об истории создания этого учреждения, но в архиве музея бережно хранится огромный том с перепиской, осуществленной им при организационной работе с многочисленными исследователями Севера или их потомками.

Совсем не лишним будет сказать, что роль Кошечкина в археологическом изучении Кольского п-ова чрезвычайно высока, мы помним это, ценим и вспоминаем с самыми добрыми чувствами.

Северная южанка Евгения Яковлевна Пация

Первая встреча с Евгенией Яковлевной произошла в 1975 году, когда Борис Иванович, представляя нас молодой симпатичной, слегка полноватой женщине, произнес: *«Это Женя, Евгения Яковлевна Пация, редактор и ученый секретарь Северного филиала Географического общества СССР, она вам все покажет и расскажет»*, — и удалился. Так и случилось. Она оказалась очень приветлива, дружелюбна, общительна, живо интересовалась нашими делами, планами, не забывая рассказать и об этом учреждении, и о себе. Меня приятно порадовала ее очень красочная, абсолютно литературная речь с богатым словарным запасом, что не так часто встречалось среди людей, с которыми мы тогда встречались в Апатитах. Из ее рассказа узнал, что закончила факультет журналистики ЛГУ, вышла замуж за физика, выпускника того же вуза Владимира Иванова, который выбрал местом работы Апатиты, куда в 1970 году с маленькой дочкой вслед за ним приехала и она. В журналистскую среду не удалось вписаться, и в 1973 году Борис Иванович предложил ей место редактора Северного филиала Географического общества, а вскоре стать одновременно и его ученым секретарем (рис. 4). О Кошечкине она говорила с особым пиететом, и мне даже показалось, что она в него платонически влюблена. С воодушевлением рассказала об идее и планах создать вместе с Борисом Ивановичем музей, была очень горда, что принимает в этом самое деятельное участие. Поговорив с нами, узнав, что нас поселили в гостинице «Аметист» на площади Ленина, сказав весело: *«Увидимся в поле»*, — поспешила по своим делам.

Знакомство продолжилось в экспедиционных условиях, где Пация, помимо обычных рабочих дел, заботилась обо всех, старалась вкусно и питательно накормить сотрудников, исходя, конечно, из довольно ограниченного состава продуктов, находя все же возможность максимально разнообразить полевые трапезы.

Особенно мне запомнился случай, когда, по возвращении из экспедиции, узнав, что мы с Лилией Шаяхметовой решили задержаться в Апатитах на пару дней, тут же написала нам адрес и дала ключи от квартиры сотрудника, уехавшего в отпуск. На наш вопрос удобно ли это, она спокойно ответило, что так у них принято и уехавший оставил ключи специально для таких случаев. Да, так тогда было и считалось само собой разумеющимся.

Наверняка, такое практиковали и Иванов с Пацией. Однажды, уже в 1990-е, когда мы утром после очередного этапа работы на петроглифах Канозера прилетели на вертолете в Апатиты, а наш поезд в Санкт-Петербург уходил только глубокой ночью, мы всей группой пошли в музей к Евгении Яковлевне.

Она радостно нас встретила, в очередной раз показала весь музей, особенно выделяя экспонаты, добытые Кошечкиным и нами — археологами. Потом за чаем в служебном кабинете с гордостью показывала рукописный том «Лаппонии» Иоганна Шеффера, подчеркивая, что второй экземпляр есть лишь в Архиве Академии наук в Питере. А когда прознала, что наш поезд только ночью, не задумываясь, пригласила нас всех к себе домой переждать это время.



Рис 4. Председатель Северного филиала географического общества Б. И. Кошечкин со своим секретарем-редактором Е. Я. Пация в процессе важных переговоров. 1979 год

Никакие возражения, что нас много (12 человек), не принимались. Разместив у себя весь наш «табор» вместе со спальниками, палатками, рюкзаками, инструментами, она еще и вкусно накормила нас, заказала машину у знакомого водителя для отправки вещей на вокзал к поезду и дала возможность отдохнуть. И все это она делала так легко, чтобы мы не чувствовали себя обязанными, приговаривая, что у них так принято, и что, будь она в таком положении, разве мы поступили бы не так же.

Памятен мне и ее внезапный визит 1999 года к нам на пограничную речку Паз, где мы с Антоном Мурашкиным в составе норвежско-российской археолого-этнографической экспедиции, завершив исследования в норвежской пограничной полосе и только что перебравшись на нашу сторону, ожидали оборудование и продукты от Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера, который был, наравне с Университетом Тромсё, куратором этого предприятия. Мы особенно не удивились (так как была договоренность) появлению гражданского грузовика ГАЗ-53 около нашего временного бивуака, прямо на берегу реки, далеко уже за нейтральной полосой и всеми заградительными сооружениями с их электронными замками, называемыми емким словом «система». Но радостно изумились, увидев, что вместе с водителем приехала к нам и Евгения Яковлевна. Как выяснилось, она пророчески предположила, что шофер может не быть столь упорным, чтобы преодолеть пограничные препоны, или просто не найдет нас, а она это непременно сделает, поэтому и отправилась в столь далекий путь. И, действительно, сделала это, хотя было не просто (рис. 5). Потом пограничники рассказывали, что некая женщина, профессор из Апатитов, целый час рассказывала им о музее, истории этих мест, о том, как важно доставить груз экспедиции, чтобы не посрамиться перед норвежской стороной, которая уже выполнила все свои обязательства, даже дала характеристику российским участникам (то есть Шумкину и Мурашкину), описав их физиономические портреты. После такого напора и бездны обаяния весь состав заставы стал упрашивать свое начальство пропустить машину, сопровождение и груз по месту назначения, указав даже путь, по которому нас можно найти.



Рис. 5. Е. Я. Пация 1999 год

Были и потом встречи, и в Музее, и в других местах, с разговорами о саамах, их обычаях, сказках, ловтах, данные о которых она накопила за многие годы, как и маршруты по Русской Лапландии, и охотно с нами делилась. Мы со своей стороны старались как можно представительнее и разнообразнее пополнять экспозицию новыми археологическими артефактами.

Став секретарем-редактором и верным сподвижником председателя Северного филиала географического общества СССР, которое являлось не только Мурманской организацией, а включало и членов родственных объединений Архангельской области и Карельской АССР, Пация, используя свою основательную журналистскую подготовку, принимала активное участие в организации разного рода конференций и совещаний, отредактировала 10 выпусков сборника «Природа и хозяйство Севера», помогала Кошечкину в переписке по созданию музея, который открылся в 1980 году, став единственным гуманитарным подразделением Кольского филиала АН СССР.

Первоначальная экспозиция располагалась в трехкомнатной квартире обыкновенного жилого дома, была довольно скромная, но состояла почти полностью из подлинных артефактов и основательно подкреплялась солидным архивом, что было неременным условием создания музея. Немало привлекал посетителей и энергичный, знающий экскурсовод, каким стала именно Евгения Яковлевна (рис. 6).



Рис. 6. Е. Я. Пация ведет экскурсию в выпестанном ею «Музее-Архиве истории изучения и освоения Европейского Севера»

Не забывала она и о научной деятельности. Помимо заведования сектором «Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера», была еще и сотрудником Центра гуманитарных проблем Баренц региона, результативным автором по филологии, этнографии, краеведению, музееведению (более 40 статей). Сочетание журналистской одаренности, изучения фольклористики, понимания сущности аборигенной бытовой и ментальной сфер позволило ей создать ряд произведений, в которых собрано и научно обработано (классифицировано) нематериальное творчество саамов. Среди них я бы выделил обширный том-антологию «Саамские сказки» [6: 1–328], составленный Евгенией Яковлевной, изданный под редакцией и с предисловием знаменитого филолога, основоположника российской лаппологии Г. М. Керта (1923–2009), и небольшую детскую книгу «Семилетний стрелок из лука» [7: 1–109]. Обе книги с удовольствием и не раз прочитал сам, а «Стрелка» осилили даже внуки, которые, как и большинство нынешней молодежи, не очень-то жалуют чтение бумажных изданий.

Евгения Яковлевна Пация в Мурманской области была известным человеком, получила звание Заслуженного работника культуры РФ (2010) и стала Почетным гражданином г. Апатиты (2018). Она всегда отличалась живостью характера, отзывчивостью, инициативностью и работоспособностью. Нелепый случай (авария около г. Полярные Зори) 17 декабря 2022 года, к огромному сожалению, оборвал жизненный путь этой подвижницы.

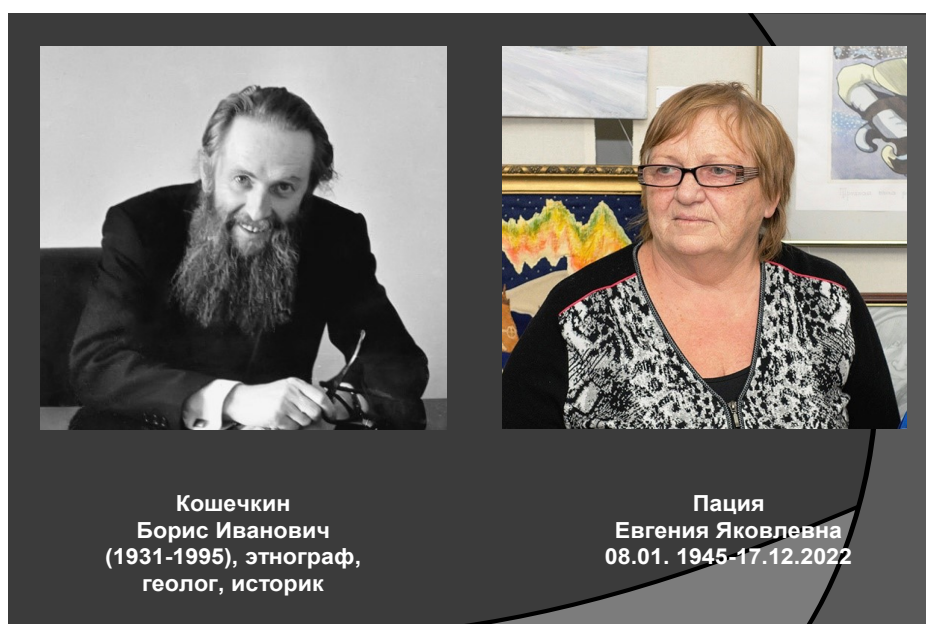


Рис. 7. Идейные вдохновители и организаторы Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Б. И. Кошечкин и Е. Я. Пация

Заключение

Предполагаю, что Кошечкин с Пацией (рис. 7), наряду с другими своими достижениями, достойно претворили в реальность давнюю задумку великого А. Е. Ферсмана (1883–1945) о неперменной гуманитарной составляющей Кольской базы Академии наук СССР, из которой закономерно вырос сегодняшний Кольский научный центр Российской академии наук. И за это им честь, слава, наша благодарная память, а также святая обязанность продолжать начатое ими дело.

Список сокращений

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова

ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР

СПб/SPb — Санкт-Петербург

Список источников

1. Кошечкин Б. И. Дым Сариолы. Мурманск, 1971. 189 с.
2. Гурина Н. Н. Время, врезанное в камень: из истории древних лапландцев. Мурманск, 1982. 120 с.
3. Шумкин В. Я. Отчет Шумкина В. Я. о работе Понойского отряда Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 году // Научный архив ИИМК РАН. СПб., 1973. Фонд 35. Дело 40.
4. Shumkin V. Ya. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population. Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. Arctic Centre Foundation. 2000. P. 202–241.
5. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб.: ЛЕМА, 2018. 160 с.
6. Саамские сказки / сост. Е. Я. Пация. Мурманск, 1980. 328 с.
7. Семилетний стрелок из лука: саамские сказки / сост. Е. Я. Пация. Мурманск, 1990. 109 с.

References

1. Koshechkin B. I. *Dy`m Sarioly`* [Smoke of Sariola]. Murmansk, 1971, 189 p. (In Russ.).
2. Gurina N. N. *Vremya vrezannoe v kamen` Iz istorii drevnih laplandcev* [Time carved into stone. From the history of the ancient Laplanders]. Murmansk, 1982, 120 p. (In Russ.).
3. Shumkin V. Ya. *Otchyot Shumkina V. Ya o rabote Ponojskogo otryada Kol'skoj arxeologicheskoy e'kspedicii LOIA AN SSSR v 1973 godu* [Report by Shumkin V. Ya. on the work of the Ponoj detachment of the Kola archaeological expedition of the Leningrad Institute of the Academy of Sciences of the USSR in 1973]. *Nauchnyy arkhiv IIMK RAN* [Scientific Archive of IHMC RAS]. Saint Petersburg, 1973, fund 35, case 40, pp. 1–17. (In Russ.).
4. Shumkin V. Ya. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population. Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi, Arctic Centre Foundation, 2000, pp. 202–241.
5. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Murashkin A. I. *Petroglyfy` Chal'mn-Varre`* [Petroglyphs of Chalmn-Varre]. Saint Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury Rossijskoj akademii nauk, LEMA print, 2018, 160 p. (In Russ.).
6. *Saamskie skazki* [Sámi tales]. Murmansk, 1980, 328 p.
7. *Semiletnij strelok iz luka. Saamskie skazki* [A seven-year-old archer. Sámi tales]. Murmansk, 1990, 109 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Я. Шумкин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

V. Ya. Shumkin — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 25.09.2023.
The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 05.07.2023; 2023; accepted for publication 25.09.2023.